

Сущность и роль кредита в переходном хозяйстве

Основным принципом анализа категории кредита в советском хозяйстве должно быть разграничение в существующих в переходном хозяйстве кредитных отношениях капиталистических и социалистических элементов, затем установление характера их связи и перерастания одних (капиталистических) в другие (социалистические).

Прежде всего возникает вопрос: возможно ли вообще такое неестественное соединение, как элементы социализма и кредит? Ведь кредит есть отношение товарного, основанного на частной собственности хозяйства, и следовательно, он не совместим с хозяйством, эту частную собственность исключаящим. Для тех, кто не мыслит себе хозяйства на иной основе кроме буржуазного хозяйства, и следовательно, для кого социалистическое хозяйство есть не более как разновидность такого буржуазного хозяйства, существование кредита и социалистического хозяйствования не исключено. В таком духе высказывался, напр., Железнов¹ и др. Но и у более понимающих сущность отношений авторов можно найти такого рода заявления: „Мы отнюдь не видим в кредите нечто несовместимое с плановым началом“. ² Этот автор возражает против мнения, что „путь кредита должен постепенно переходить на-нет, по мере изживания стихийных элементов хозяйства“.³

В действительности же, никаких кредитных отношений нельзя себе мыслить там, где полностью изжиты „стихийные элементы хозяйства“, т.-е. там, где нет частной собственности.

В едином организованном хозяйстве нет кредита, самого себя кредитовать нельзя; это — азбука. В советском хозяйстве действительно сосуществуют кредит и плановые методы ведения хозяйства, но в корне неверно делать отсюда выводы, что полностью регулируемое и планируемое хозяйство совместимо с кредитом. Таким путем мы кредита переходного хозяйства не поймем и, в особенности, не выясним тенденций его развития. Особенности кредита в нашем хозяйстве могут быть выявлены только тогда, когда мы, зная действительную сущность кредита в капиталистическом хозяйстве, так же

¹ См. проф. Железнов, статья в сборнике „Денежное обращение и кредит“, ч. 1.

² Кистенев, „Проблемы кредита в СССР“, „Вестник Финансов“, № 2 за 1928 г. стр. 25.

³ Там же.

ясно представим себе и то, каким образом в организованном хозяйстве выполняются функции, в стихийном хозяйстве выполняемые кредитом.

Одной из очень важных функций, выполняемых в капиталистическом хозяйстве кредитом, является экономия наличных денег. Эту функцию кредит выполняет как путем замены наличных денег кредитными, так и организацией без наличных расчетов и, наконец, вследствие ускорения быстроты обращения денег. Так как товарное хозяйство знает движение товара только путем замены его деньгами (или другим товаром), то ясно, какое громадное значение для капиталистического хозяйства имеет эта функция кредита. Но столь же ясно, что в социалистическом хозяйстве, где нет ни товара, ни денег, не может быть и речи о подобной функции.

Другой, не менее важной, функцией кредита в капиталистическом хозяйстве является происходящая при его помощи централизация капиталов. Развивающееся капиталистическое производство требует все большей и большей концентрации капиталов и постоянно натывается на границы, которые здесь кладут ему рамки частной собственности. Кредит прорывает эти границы, давая тем самым возможность колоссального расширения предприятий и производства. Кредит это делает путем таким, что „предоставляет отдельному капиталисту или тому, кто считается капиталистом, абсолютное, в пределах известных границ, распоряжение над чужим капиталом и чужой собственностью и вследствие этого над чужим трудом“. ¹ Этим самым кредит усиливает до величайшей степени присущие капитализму противоречия. Но развитие капиталистических противоречий есть развитие самого капитализма. Без кредита капиталистическое хозяйство и его развитие немыслимы.

Но социалистическое хозяйство, в котором все средства производства принадлежат обществу и где, следовательно, имеется абсолютная их централизация, не оставляет места и чему-нибудь похожему на эту вторую функцию кредита.

Третья функция кредита в капиталистическом хозяйстве опирается на рассмотренные две и отчасти с ними совпадает; это — перераспределение капиталов между отдельными предприятиями и отраслями. Речь здесь идет о всякого рода временных, сезонных колебаниях в распределении ресурсов между различными предприятиями и отраслями, колебаниями, в капиталистическом хозяйстве совершающимися путем так называемого коммерческого кредита, поскольку его роль не ограничена — только экономией денег. Значение этой перераспределительной функции кредита, как средства для более эффективного применения наличного капитала, очень велико.

Социалистическое хозяйство не знает разделения частной собственности, но разделение на предприятия и производства, конечно,

присущи и ему. Здесь не может быть речи о капитале, но распределение производственных ресурсов между отдельными предприятиями и отраслями и при социализме не может оставаться неизменным. Наоборот, процесс производства предполагает постоянное движение и перераспределение этих ресурсов. Но ни для какого кредита здесь опять-таки места нет, хотя функция, которую последний выполняет в капиталистическом хозяйстве, в этом случае сохраняется и при социализме.

Социалистическое хозяйство должно будет, конечно, вести точный учет и контроль всех имеющихся в его распоряжении ресурсов, их движения и перераспределения. Если предприятие А передает предприятию Б определенное количество своей продукции, это, конечно, будет тщательнейшим образом как-нибудь фиксироваться и учитываться.

Но меньше всего учет этот будет вестись в целях установления эквивалентности „обмена“ между предприятиями. Следя за тем, чтобы производство на каждом предприятии велось наиболее рациональным и экономным способом (что должно привести к выработке единицы учета, ничего, в свою очередь, не имеющей общего с деньгами) и планируя производство по отраслям и производствам так, как общество будет считать для себя необходимым, социалистическое хозяйство не будет совершенно знать ценностных, т.-е. частных собственнических отношений между отдельными предприятиями.

Социалистическое предприятие будет передавать другим предприятиям свою продукцию не взамен какого-нибудь эквивалента с их стороны, а в порядке исполнения единого хозяйственного плана; точно таким же образом оно будет снабжаться само. Отсюда — отсутствие необходимости в каком бы то ни было всеобщем эквиваленте, отсюда же и отсутствие необходимости замены его кредитом.

В капиталистическом хозяйстве всякое движение товара осуществляется при посредстве денег. Деньги — необходимое средство (и в то же время издержки) товарного обращения и производства. Передвижение денег отражает передвижение товаров и движение последних учитывается в движении первых. Кредит, как уже сказано, заменяет деньги в их материальном бытии, но организация кредита (банки) может выполнять эту свою функцию только таким путем, что та санкция движения товара, которая, без кредита, дается фактом движения наличных денег, при кредите заменяется фиксацией сделки в банковских книгах и документах. Этим самым кредит кладет начало организации общественного учета движения производства.

„Банковское дело несомненно создает форму общего счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе, но только форму“.¹

¹ Маркс, „Капитал“, т. III, ч. 1, стр. 424—425, изд. 1922 г.

¹ Маркс, „Капитал“, т. III, ч. 2, стр. 147, изд. второе.

Если два предприятия, состоя клиентами одного и того же банка или банковской системы, состоят в товарно-денежных отношениях между собой, то все их сделки фиксируются и учитываются в книгах этой банковской системы. Когда клиентами банковской системы становятся почти все капиталистически организованные предприятия, а часто и значительная доля потребительских хозяйств,¹ то здесь уже можно говорить об организации учета в общественном масштабе, но только по форме, ибо в основе здесь все-таки остается частно-собственническое производство.

Банк ведет учет и контроль движению продуктов в капиталистическом хозяйстве, не потому, что банк как общественная организация интересуется ходом общественного производства. Дело в действительности происходит таким образом, что банк как частная организация входит в договор с другими частными предприятиями на предмет ведения их кассы и счетоводства. Личная, частная выгода есть тот стимул, который толкает к подобному образу действий, так как такое сосредоточение ведения дел в одном учреждении оказывается с индивидуальной, частной точки зрения отдельных капиталистов более выгодным. Банк учитывает движение общественного производства только таким образом, что он ведет учет сколько и кому должно денег то или иное предприятие и сколько и кто должен этим предприятиям и фиксирует движение этой задолженности.

Точно так же „банковское дело“ вырывает из рук частных капиталистов и ростовщиков распределение капитала как особое предприятие, как общественную функцию.² Но опять-таки чисто формально, ибо распоряжается собранным в банках капиталом не общество как таковое в интересах всего общества, а не большая кучка финансистов в своих собственных интересах.

Каждый отдельный владелец капитала или денег предоставляет их банку как свою собственность за вознаграждение — процент, а банк, т. е. его руководители, „распределяют“ этот капитал также на основе получения процента или учредительской прибыли. Именно эта сторона частно-собственнических отношений и характеризует и объясняет процент, как общественное отношение. Если же, в результате, получается общественная выгода, выгода для всего производства в целом, то это побочный продукт кредитных отношений, самими участниками кредита отнюдь не преследуемый. Но как-раз эта общественная выгода и результат кредита важны для социалистического хозяйствования.

Поэтому „форму общего счетоводства и распределения средств производства в общественном масштабе“ социалистическое произ-

водство не только сохранит, но и должно будет довести до невиданных при капитализме размеров, но в этой форме ничего не останется от ее кредитной сущности.

Мы можем себе представить, что социалистическое хозяйство ведет учет своего производства в условно устанавливаемых трудовых единицах, далее, что существуют талоны, выраженные в этих трудовых единицах, и организация которая „эмитирует“ эти талоны и одновременно ведет учет и контроль движению производства на отдельных предприятиях. Назовем эту организацию „банком“, отдельные предприятия, следовательно, имеют свои счета в этом „банке“. При переходе продукции из одного предприятия в другое, этот переход фиксируется в „банке“ переводом определенного количества „тредов“ со счета одного в счет другого. Имея дело с мелким потребителем, предприятия рассчитываются с ним талонами, которые потом вносятся в „банк“ и заносятся в счет внесшего их предприятия. Все производство, его направление и „расценки“ регулируются. Здесь, как видим, форма учета и контроля сохранена подобной капиталистическому кредиту, но только форма, ибо ни денег, ни кредита здесь, по существу, нет. Формально банковская организация сохраняется, кредитная же — частно-собственническая ее основа из этой организации изъята.

Переходный период представляет процесс перерождения хозяйства из капиталистического в социалистическое. В области кредита следовательно, в этот период должно произойти постепенное отмирание одних его функций совершенно и постепенная потеря другой его функцией (учет и счетоводство) ее кредитной сущности. Сущность кредита отмирает. Сохраняется и развивается только та сторона, которая для кредита была только необходимой формой на пути к достижению желанной цели — процента и прибыли. Только как такой трансформирующийся, сам себя отрицающий и может быть понят кредит советского хозяйства.

Кредит гораздо более конкретная и, следовательно, сложная категория, чем деньги. Отношения кредита уже включают в себя отношения денег. Но несмотря на это, понять двойственность природы кредита в переходном хозяйстве оказывается гораздо легче, чем понять природу „переходных“ денег. Отношения между двумя госпредприятиями сами по себе являются таковыми, что не вызывают необходимости денег, здесь могли бы быть только „формальные“ деньги. Но, так как те же самые деньги, которые только что обслужили отношения госпредприятий, обслуживают и отношения последних с частными предприятиями и частных между собой, то кажется, что именно последние связи определяют природу денег и в переходном хозяйстве. Думают, что раз на каком-нибудь участке деньги являются всеобщим эквивалентом, то они не могут не являться им и на других участках, и не замечают, что характер всеобщего эквивалента здесь уже в значительной мере объясняется

¹ В развитых капиталистических странах нередко и мелкие служащие имеют свой текущий счет в банке.

² Маркс „Капитал“, т. III, ч. 2, стр. 147.

сознательными действиями хозяйствующего государства и только отчасти стихийными взаимоотношениями производящих товарных частных хозяйств.

Кредит предполагает деньги, но природа денег в кредитных отношениях отступает на задний план; ведь качественно здесь на обоих полюсах участвуют одинаково деньги. Что непонятно в кредите, так это — природа денег, процент. Но раз понята сущность процента как выражение отношений ссудного и функционирующего капиталиста, то уже не трудно понять, что по существу никаких кредитных отношений не может быть между двумя госорганами, хотя бы, в то же самое время, на других участках единого переходного хозяйства кредитные отношения сохранили почти всю свою сущность.

В кредитной системе СССР приходится различать троякого рода отношения: 1) кредитные связи государственных и кооперативных организаций между собой; 2) кредитные связи обобщественного с необобщественным сектором, главным образом, по линии сельскохозяйственного и государственного кредита, и 3) кредитные связи внутри частного сектора. Наибольшее распространение (если не по числу сделок, то по объему обращающихся средств) кредит получил в первом секторе, второго рода кредитные взаимоотношения имеют тенденцию все больше развиваться, а третьи, естественно, по мере изживания частного капитала и вовлечения крестьянского хозяйства под влияние обобщественного сектора, будут все больше терять свое значение, вплоть до полного уничтожения.

По форме своей кредит, обслуживающий обобщественный сектор, мало чем отличается от кредита капиталистического, особенно если ограничиться поверхностным рассмотрением банковских операций. Мы здесь встречаемся со всеми теми операциями и в том же их оформлении, какие мы имеем и во всяком капиталистическом банке, вплоть до категории процента и протеста векселей. Но вся эта пышная внешность вряд ли кого может обмануть за исключением разве... банковских юрисконсультов.

В кредитных сделках, где государственные и кооперативные организации вкладывают деньги и берут их займы в государственных же и кооперативных банках, ничего, кроме формы, общего с капиталистическим кредитом уже не осталось. Процент, уплачиваемый в данном случае, имеет какое угодно оправдание, только не то значение, которое он имеет при капитализме. Роли регулятора кредита он лишен совершенно. Непонимание характера нашей кредитной системы больше всего сказывается при характеристике роли планирования в ней. Так, ряд исследователей считает кредит и планирование вообще несовместимыми вещами; существует также мнение, что планирование необходимо до тех пор пока существует недостаток ссудных капиталов; с устранением же последнего — распределение кредита могло бы совершаться через регулирование процента

и процентом. Нужно сказать, что и те и другие, в сущности, сводят наш кредит к кредиту капиталистическому, причем это сведение часто сопровождается непониманием сущности ссудного капитала вообще.

„Контролировать и регулировать доставку хлеба или вообще производство и распределение продуктов, не регулируя банковских операций, это — бессмыслица“.¹ Эту бессмыслицу нам часто пытаются выдать за высшую премудрость экономической науки. Если мы тщательно учитываем производство и обращение товаров, то здесь уже даже не приходится и говорить о каком то особом планировании (или непланировании) кредита; последний не может не учитываться как один из моментов в регулировании производства и обращения товаров. Ведь это даже не две стороны одного и того же явления, это одно и то же явление.

Если мы говорим, что такое-то предприятие получит или купит сырье там-то, по цене такой-то, зарплату в определенных размерах будет выплачивать в такие-то сроки, капитальное строительство будет вести в таких-то размерах и сроках и сдавать свою продукцию в сроки и по ценам, также соответствующих плану, то думать, что в этих условиях кредит может быть предоставлен самому себе, это, повторяю, полное непонимание не только природы кредита в переходном хозяйстве, но и природы ссудного капитала вообще. Ведь если указанное регулирование распространяется на все предприятия, обслуживаемые кредитной системой, то в это регулирование кредитная система уже включена, ибо здесь уже предусмотрены как поступления, так и выдачи средств.

Правда, поскольку обобщественный сектор у нас не замкнут в себе, а составляет часть единого нашего народного хозяйства, другой частью которого является частный сектор, еще не поддающийся прямому регулированию с нашей стороны, постольку в наших планах элемент предвидения составляет пункт, который всегда грозит нам, в той или иной мере, срывом наших планов. С другой стороны, в области кредита и денежного обращения как в фокусе всей хозяйственной системы всякого рода неувязки и срывы нашего планирования сказываются сильнее и ярче всего. Поэтому планирование в этой области представляет свои особые трудности. Но все это отнюдь не говорит против планирования кредита, ибо без планирования кредита нет планирования переходного хозяйства, и наоборот, кредит переходного хозяйства, т. е. кредит, трансформирующийся в сторону превращения в систему общественного счетоводства, учета и контроля, никаким иначе, как планируемым в общественном масштабе, не может быть.

Кредитные связи между обобщественным и необобщественным секторами существуют в самой различной форме. Кредитование частного капитала (товарное и денежное) практически у нас

¹ Ленин, том XIV, часть 2, стр. 182—183.

в СССР не имеет почти места. Зато громадное значение имеют кредитные связи с мелкобуржуазным, главным образом, крестьянским хозяйством. Эти связи могут идти как по линии кредитования товарами, так и денежного (сельскохозяйственного кредита, сберкасс, госзаймов). Сюда же должны быть отнесены всякого рода авансирования, отчасти контрактации и т. д.

Ясно, что этого рода кредитные отношения нельзя рассматривать, как отношения двух частных собственников. Если со стороны частных хозяйств, вступающих в кредитные связи с госорганизациями, в значительной мере решающим является стимул личной выгоды для собственного частного хозяйства,¹ то у другого контрагента этих сделок цели совсем иные.

Обобществленный сектор вступает в эти сделки не как частный собственник, а как представитель интересов всего народного хозяйства и притом хозяйства обобществляющегося.

Ясно, что регулирование и планирование этого рода кредитных связей еще гораздо труднее, чем кредита, обслуживающего обобществленный сектор, но не менее ясно, что и эти трудности должны быть преодолены.

Регулирующая роль процентирования здесь в значительной мере еще сохранена, особенно, если кредитором выступает частное хозяйство. Но процент, взимаемый госорганами, конечно, не стоит ни в какой зависимости с „рыночным“ процентом, ничего общего с „ценой денег“ здесь нет.² Но по мере роста ресурсов для кредитования необобществленного сектора (эти ресурсы, в основном, может дать сам же этот сектор, важна только концентрация их в распоряжении обобществленного сектора, его органов) плановое регулирование и здесь будет играть все большую роль. Одновременно с этим и кредитные взаимоотношения внутри частного сектора, даже в той мере, в какой они будут еще сохраняться, потеряют свою самостоятельность. Роль планирования и регулирования должна победить по всему фронту кредитных отношений в переходном хозяйстве. Но одновременно с этим все больше будет теряться их кредитная сущность, которая является не чем иным, как стихийной, буржуазной сущностью и как таковая, конечно, несовместима с плановым началом обобществляющегося хозяйства.

„Кредит—не бюджет“,—любят повторять все те, кто в той или иной мере недооценивает особенности кредита в переходном хозяйстве. Это, вообще говоря, верно: кредитные отношения действительно принципиально отличны от налоговых и т. д. Но это верно только для капиталистического хозяйства. В переходном хозяйстве не только бюджет есть нечто совсем иное, чем бюджет капитали-

¹ При займах рабочих и служащих государству этот момент далеко не всегда на первом плане.

² К сожалению, пока что и воздействие с его стороны на „рыночный“ процент минимально.

стического государства, но и кредит не есть капиталистический кредит. Противоположность кредита и бюджета здесь все больше и больше сходит на-нет. И как бы наши „кредитники“ ни возмущались, этот процесс будет все увеличиваться, „бюджетные“ методы будут захватывать наш кредит все больше и больше.

Конечно, до тех пор пока существует еще частное хозяйство, кредитные методы (добровольность, возмездность, приспособление к рыночной конъюнктуре и т. д.) будут еще сохранять свое значение. „Кредитные“ методы играли и еще играют свою роль во взаимоотношениях внутри обобществленного сектора, главным образом, как дисциплинирующий фактор (хозрасчет, срочность и т. д.).

Но отсюда не следует, что нам нужно эти методы фетишизировать и не видеть изменившихся и все более изменяющихся отношений, охватываемых нашим кредитом. Плохо будет, если мы недоучтем интересов частного хозяйства, требующего сохранения специфически кредитных элементов в нашем кредите, но не менее плохо, если мы значение этих элементов переоценим и будем отставать в превращении кредита в действительный механизм общественного учета и регулирования. При этом, естественно, кредит по отношению к остальным методам учета и регулирования, которыми обладает пролетарское государство в лице его органов (Госплан, ВСНХ, НКТОрг и т. д.), будет играть все более подсобную роль.

Значение кредита в переходном хозяйстве огромно, но все-таки он не занимает в нем то место, которое ему отводили (на основании учета капиталистической практики) марксистские теоретики, писавшие о переходном хозяйстве до и в начале нашей революции.

О значении кредита для подготовки социалистического хозяйства Маркс достаточно определенно высказался только по отношению к капиталистическому кредиту. Здесь Маркс отмечает следующие моменты: 1) значение кредита для централизации капиталов и образования крупного производства—базиса социалистического хозяйствования; 2) превращение кредитом функционирующего капиталиста, с одной стороны, в рантиста, а с другой стороны—в финансового спекулянта,—в сущности, излишних с точки зрения действительного производства; 3) замену функционирующего капиталиста, с одной стороны, наемным служащим, а с другой стороны—ассоциированным производителем (кооперативная фабрика); 4) создание формы счетоводства в общественном масштабе; 5) роль кредита в кризисах и ускорении „насильственных взрывов“ противоречий капитализма.

Что касается роли кредита в переходный период, то по этому поводу у Маркса можно найти очень немного и в самой общей форме. Таково, например, следующее место в т. III „Капитала“. „Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда,

однако, лишь как один из элементов в связи с другими органическими переворотами в самом способе производства".¹

Гораздо решительнее высказывался Гильфердинг под влиянием той роли, которую кредит достиг в период финансового капитала: „Выполняя функцию обобществления производства, финансовый капитал до чрезвычайности облегчает преодоление капитализма. Раз финансовый капитал поставил под свой контроль важнейшие отрасли производства, будет достаточно, если общество через свой сознательный исполнительный орган, завоеванное пролетариатом государство, овладеет финансовым капиталом: это немедленно передает ему распоряжение важнейшими отраслями производства. От этих отраслей производства зависят все остальные, и потому господство над кредитной промышленностью уже само по себе равносильно наиболее действительному общественному контролю, который совершается и без всякого дальнейшего непосредственного обобществления. Общество, которое располагает горным делом, железной промышленностью, включительно до машиностроительной, электрической и химической промышленности, которое господствует над системой транспорта, — общество, подчиняя себе эти важнейшие отрасли производства, тем самым захватывает в свои руки, т.е. тоже может подчинить себе, как распределение сырого материала между остальными отраслями, так и транспорт продуктов в последних. Овладение шестью крупными берлинскими банками уже в настоящее время было бы равносильно овладению важнейшими сферами крупной промышленности и до чрезвычайности облегчило бы первые шаги политики социализма в тот переходный период, когда капиталистический метод счетоводства представляется еще целесообразным. Экспроприацию незачем будет распространять на многочисленные крестьянские и промышленные мелкие производства, потому что вследствие захвата крупной промышленности, от которой они уже давным давно находятся в полной зависимости, они будут обобществлены при ее посредстве, как сама она будет обобществлена непосредственно. Следовательно, в тех случаях, когда процесс экспроприации оказался бы в силу децентрализации слишком затяжным и политически опасным, будет возможно медленным развитием подготовить этот процесс к зрелости, т.е. однократный акт экспроприации государственной властью превратить в постепенное обобществление, ускоренное теми экономическими выгодами, которые сознательно предоставляются обществом: ведь финансовый капитал уже позаботился об экспроприации, поскольку она необходима для социализма".²

¹ Маркс, „Капитал“, том III, ч. 2, стр. 148.

² Гильфердинг, „Финансовый капитал“, стр. 443, изд. 1922 г., курсив мой. Б. Р.

Итак, „завоеванное пролетариатом государство“ овладевает „шестью берлинскими банками“ и этим самым оно овладевает крупной промышленностью и аппаратом для социалистического преобразования мелкого хозяйства. Сейчас, когда теоретик „финансового капитала“ оказался наиболее подходящим кандидатом для исполнения обязанностей министра финансов буржуазной республики, для всякого ясна тенденция, проникающая набросанную выше программу Ленин, как известно, представлял себе ход пролетарской революции иначе, но и он придавал громадное значение созданной финансовым капиталом банковской организации, возможности использования ее для управления социализирующимся хозяйством. Из многочисленных его положений по этому поводу приведем следующее:

„Крупные банки есть тот „государственный аппарат“, который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, при чем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что капиталистически уродует этот превосходный аппарат, сделать его еще крупнее, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственных банк с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике, — это уже девять десятых социалистического аппарата. Это — общегосударственное счетоводство, общегосударственный учет производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто в роде скелета социалистического общества.

Этот „государственный аппарат“ (который является не вполне государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме) мы можем „взять“ и „привести в движение“ одним ударом, одним указом, ибо фактическую работу счетоводства, контроля, регистрации, учета и счета выполняют здесь служащие, большинство которых сами находятся в пролетарском или полупролетарском положении“.¹

Здесь интересны два момента: во-первых, значение которое придавал Ленин развитому банковскому аппарату в переходном периоде („девять десятых социалистического аппарата“) и, во-вторых, представление о возможности использования готового аппарата, созданного капитализмом. Больше всего интересен, конечно, первый момент.

Практически нам в СССР не удалось использовать именно тот аппарат, который был создан буржуазией. В период военного коммунизма банки, как известно, были совершенно уничтожены и существующий у нас сейчас банковский аппарат пришлось с введением нэпа создавать заново. Здесь не место вдаваться в исследование вопроса о том, являются ли методы военного коммунизма обязательными для всякой страны, совершающей пролетарскую револю-

¹ Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 231—232, курсив везде Ленина.

цию, или возможно будет обойтись где-нибудь без них, и в какой мере. Во всяком случае, ясно одно — аппарат банковский, построенный нами на выполнении „фактической работы счетоводства, контроля, регистрации“, в точности следует приемам капиталистического банка. Для того чтобы „отсечь“ от него то, что его „капиталистически уродовало“, нам пришлось его раньше разрушить, но если другим странам (в которых и пролетариат и буржуазия будут иметь уже опыт революции в России) удастся избежать этого разрушения, то это будет, конечно, только плюсом для нее.¹ Сохраненный ли старый или воссозданный вновь, аппарат этот необходим для всякого переходного хозяйства.

Другое дело — вопрос о значении банковского аппарата: одиннадцатилетний опыт вряд ли позволяет нам остаться на той точке зрения, с которой мы приступали к социалистическому хозяйствованию, и я думаю, что опыт этот может быть распространен и на другие страны, на переходное хозяйство вообще: значение банковского аппарата и кредита в переходном хозяйстве неизмеримо ниже того значения, которое ему придавали „а priori“, и, тем более, чем то значение, которое они имеют в эпоху финансового капитала.

„Овладение финансовым капиталом“ по Гильфердингу, т.е. овладение руководством хозяйственной жизнью страны путем национализации банков и сохранения методов руководства финансового капитала в переходный период, это — не более, как оппортунистическая утопия.

Во-первых, национализация банков не означает еще овладения финансовым капиталом. „Если национализацию банков так часто смешивают с конфискацией частных имуществ, то виновата в распространении этого смешения понятий буржуазная пресса, интересы которой состоят в обманывании публики.

Собственность на капиталы, которыми орудуют банки и которые сосредоточиваются в банках, удостоверяется печатными и письменными свидетельствами, которые называются акциями, облигациями, векселями, расписками и т. п. Ни единое из этих свидетельств не пропадает и не меняется при национализации банков, т.е. при слиянии всех банков в один государственный банк. Кто владел 15 руб. по сберегательной книжке, тот остается владельцем 15 руб. и после национализации банков, а кто имел 15 миллионов, у того и после национализации банков остается 15 миллионов в виде акций, облигаций, векселей, товарных свидетельств и тому подобное.“²

Абсурдно предполагать, что при национализации банков (даже если весь их людской аппарат, вплоть до высших служащих, останется на месте) между новыми банками или, вернее, банком и функционирующими предприятиями (промышленными, торговыми и т. д.)

¹ С точки зрения сохранения аппарата; плюсов и минусов военного коммунизма в целом я здесь не касаюсь.

² Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 183.

сохранятся прежние отношения и значение банков останется прежнее. Национализация банков без национализации промышленности, транспорта и т. д. — это значит не подвинуть организацию народного хозяйства на новую ступень, а наоборот, нарушение системы, созданной финансовым капиталом без замены ее другой, высшей. Банки в эпоху финансового капитала могут выполнять свою роль только потому, что и они и другие капиталистические предприятия объединены неразрывно в руках немногих финансистов, но если фактически эти финансисты остаются неприкосновенными (акции, облигации и т. д. не национализируются), то представлять себе их действующими через национализированный пролетариатом банковский аппарат, по меньшей мере, наивно.

Национализация банков не есть „овладение финансовым капиталом“. Чтобы действительно овладеть той властью, которой владел финансовый капитал, недостаточно не только одной национализации банков, но недостаточно и национализации даже той части акций, облигаций и т. д., которая принадлежит кучке финансовых магнатов (если вообще возможна такая частичная национализация фиктивных ценностей), ибо вряд ли руководители государственного банка смогут так использовать эти ценности, как их использовывал финансовый капитал.

Чтобы действительно распоряжаться крупной промышленностью, транспортом и т. д., пролетарскому государству нельзя ограничиться национализацией банков даже с прибавлением конфискации акций крупных акционеров, а потребует непосредственная национализация крупных предприятий. Тогда и возможно сохранение за ними формы акционерных предприятий, что в некоторых случаях и найдет свое оправдание, но эти предприятия во всяком случае не будут иметь то значение, что при капитализме. Владелец этих предприятий — в той или иной форме — должно остаться государство.¹

Какие же отношения установятся между национализированными банками и национализированными предприятиями? Если искать для этих отношений аналогию в капиталистических условиях, то ясно, что они гораздо больше будут походить на кредитные отношения промышленного капитализма, чем финансового. Предприятия принадлежат государству (так же, как и банк), но поскольку еще сохранится надобность в товарной форме отношений, отдельные предприятия будут выступать по отношению к другим, как собственники, над которыми никто не сможет получить господство путем скупки их акций. Банк сможет участвовать во взаимоотношениях этих предприятий как посредник в кредите и только. Но, в действительности, активность банка в переходный период будет еще гораздо ниже, чем активность банков в эпоху промышленного капитализма. И это вполне понятно.

¹ На практике возникнет, конечно, вопрос об обеспечении интересов так называемых держателей акций и облигаций акционерных предприятий. Вопрос этот в разных странах может быть, конечно, решен различно.

Эпоха промышленного капитализма есть период наибольшего развития конкуренции, рыночной анархии. Финансовый капитал в этой области вносит значительные ограничения. Пролетарская революция кладет конец отношениям финансового капитала, при чем, как видим, даже та организационная форма, которую создал финансовый капитал, в значительной мере, уничтожается.¹ Но пролетарское государство не для того разрушает формальные достижения финансового капитала, чтобы вернуться к изжитым формам промышленного. Отбрасывая частично формы координации хозяйственной жизни, применяемые финансовым капиталом, пролетариат заменяет их методами социалистическими. Вместо господства над хозяйством через господство над фиктивным капиталом пролетарское государство вводит приемы непосредственного планирования и регулирования хозяйственной жизни. Для успешного выполнения этой задачи приходится создавать новые органы, управления которых капитализм не знает.

Место этих новых органов не может занять банк. До тех пор пока будут происходить постепенная национализация и „усвоение“ крупных капиталистических предприятий и пока будут создаваться новые хозяйственные органы планирования и регулирования хозяйственной жизни и накапливаться опыт такого планирования и регулирования, на этот, так сказать, „переходный период в переходном периоде“ банки еще сохраняют свою самостоятельность и значительную долю своего прежнего значения. Но как только этот период закончится, наступит низведение положения банков до подсобной роли даже не посредника, более или менее самостоятельного, как при промышленном капитализме, а еще гораздо ниже. В банковской деятельности начнет брать верх элемент „счетоводства и учета“, банкир заменяется бухгалтером. А распределение и движение банковских ресурсов все более подчиняются плану.

Такую же, в сущности, подсобную роль банк будет играть и во взаимоотношениях с частным сектором, только размер этой „подсобности“, конечно, иной. Здесь товарные, а следовательно, и кредитные отношения сохраняются не только по форме. Но наряду с кредитом у обобщественного сектора имеются и другие не менее сильные методы воздействия на необобщественный сектор (политика цен, кооперация, бюджет и т. д.) и все они, в том числе и кредит, подлежат опять-таки координированию и регулированию со стороны центральных хозяйственных органов. Чем более развиты товарность и „денежность“ хозяйств в частном секторе, тем значительнее будет и роль кредита в нем и тем более действительным орудием последний будет в руках пролетариата на пути переро-

¹ По другой линии капиталистических объединений—синдикаты, тресты и т. д.—эта форма полностью используется.

ждения частного хозяйства в социалистическое и тем более специфически кредитных элементов сохранит кредитный механизм переходного хозяйства. Но и тем скорей совершится подчинение необобщественного сектора обобщественному, потеря самостоятельности частных хозяйств и, следовательно, превращение товарных отношений в формально товарные и кредитных—в бухгалтерские.

В программе ВКП(б), принятой в 1919 году (т.-е. в самый разгар эпохи военного коммунизма), о роли кредита и банков в переходный период сказано следующее:

„Избегнув ошибки Парижской коммуны, советская власть в России сразу захватила государственный банк, перешла затем к национализации частных коммерческих банков, приступила к объединению национализированных банков, сберегательных касс и казначейств с Государственным банком, создавая, таким образом, остов единого народного банка Советской республики и превращая банк из центра экономического господства финансового капитала и орудия политического господства эксплуататоров в орудие рабочей власти и рычаг экономического переворота. Ставя своей целью дальнейшее последовательное доведение начатой советской властью работы до конца, РКП выдвигает на первый план следующие принципы:

1) монополизация всего банковского дела в руках советского государства;

2) радикальное изменение и упрощение банковских операций путем превращения банковского аппарата в аппарат единообразного учета и общего счетоводства Советской республики. По мере организации планомерного общественного хозяйства это приведет к уничтожению банка и превращению его в центральную бухгалтерию коммунистического общества“.

Эти положения не требуют изменений не только в условиях напa в СССР, но они приемлемы для характеристики роли и значения кредита и политики пролетариата в этой области во всякой стране, совершающей свой переходный период.

На происходившем годом раньше VII съезде партии Лениным был внесен проект программы,¹ на котором условия военного коммунизма сказались очень явственно. Там Ленин в области банков считал необходимым:

„Полное сосредоточение банковского дела в руках государства и всего денежно-торгового оборота в банках. Универсализация банковых текущих счетов: постепенный переход к обязательному ведению текущих счетов в банках; обязательное держание денег в банках и переводы денег только через банки“.²

Элементы обязательности по отношению к частному хозяйству являются здесь, в значительной мере, отражением условий эпохи военного коммунизма. В действительности, пролетариату придется

¹ „Черновой набросок проекта программы“, Собр. соч., т. XV, стр. 158.

² Там же, стр. 162.

здесь применять, главным образом, методы экономического воздействия, пользуясь личной заинтересованностью частного собственника и именно поэтому кредитный механизм в переходный период сохраняет еще долго свой специфически кредитный характер. „Полное“ сосредоточение всего денежно-торгового оборота в банках придется, конечно, понимать условно: изгнание наличного оборота полностью, вплоть до самых мелких сделок, ни при каких условиях не является экономически целесообразной мерой; необходимый здесь контроль за движением денег достигается, если каждый все свои свободные деньги будет держать в банке (сберкассе), с использованием банковскими методами расчета там, где это экономически оправдывается. К этому и необходимо стремиться при организации кредита в переходный период.

Монополизация всего банковского дела в руках государства дает возможность распоряжаться всеми банковскими ресурсами в интересах социалистического строительства. Сосредоточение всех наличных средств в банках дает возможность использовать для этой цели все наличные ресурсы, не только уже имеющиеся в руках государства, но и в значительной мере „свободные“ средства частного хозяйства. Это же дает возможность воздействия в желательном направлении на развитие самого частного сектора. Воздействие это, в качестве части в целой системе экономических и неэкономических мероприятий, приведет к „организации планомерного общественного хозяйства“, для которого банковская система станет аппаратом „центральной бухгалтерии“. Но тогда банк окончательно перестанет быть банком.

Банковская система является „центром экономического господства финансового капитала и орудием политического господства эксплуататоров“. В руках пролетариата, строящего социализм, та же банковская система далека от того, чтобы быть „центром“ экономического господства; слишком различны эти две экономические системы. Проникающие систему хозяйства переходного периода элементы социализма в значительной мере лишают банковскую систему и кредитные отношения фетишистических оболочек и подчиняют их сознательному регулированию и контролю высших хозяйственных органов. Но до тех пор пока существует у нас частное хозяйство и пока даже в области обобщественного сектора сохраняется необходимость частно-хозяйственных методов учета, до тех пор кредитная система останется достаточно действенным „орудием рабочей власти и рычагом экономического переворота“. Никто не будет спорить против того, что у нас в СССР, несмотря на все достижения в этой области, все еще не использованы все возможности, которые может дать всемерное развитие кредитных отношений. Но понимание действительной сущности и значения кредита в переходном периоде такому использованию кредита может, конечно, только способствовать.